

Где нет любви, нет и души.

Н. М. Карамзин

Гармония стихов, живость и точность выражения должны поразить всякого хоть несколько одарённого вкусом и чувством.

А. С. Пушкин о Е. А. Баратынском

Известная в Сибири и многими любимая омская поэтесса Галина Кудрявская опубликовала лирическую книгу новых стихотворений «Ждала раскрытая тетрадь...» (предисловие М. С. Штерн. Омск : Издательский дом «Наука», 2017).

Читаешь её лаконичные стихи и убеждаешься: содержанием, ясным смыслом полнится каждое слово. Слово точное, слово ищущей истины мысли и чуткого чувства, а лирические мотивы связывают, соединяют одно стихотворение с другим, начало и окончание текста, образуя художественное единство авторского высказывания.

Сразу и не знаешь, как к этому подступиться с литературно-критическим осмыслением. Знаешь только, что хочется внимательно всматриваться в этот плотный и стройный контекст, обнаруживая новые и новые смыслы, «подхватывать» мотивов и образов, находя, к читательской радости, всё большую глубину сопонимания в созданном поэтом. И невольно возникает у тебя желание душевного сотворчества, пишешь свой комментарий прямо на полях книжного листа, хотя знаешь: дело это непочтенное, грешащее неточностью, да и опасно соскользнуть в прозаическое переложение сказанного автором. Вот и выбираешь в качестве кода критической рецензии новой книги Галины Борисовны Кудрявской опыт описания её композиции. Тем более, что немало глубокого и верного уже написала о ней в прекрасном

предисловии к поэтическому сборнику профессор Миньона Савельевна Штерн. Так, отметив характерное свойство лирических книг поэтессы – тщательность их композиционной выстроенности, Штерн справедливо определяет *круг* в качестве базовой формы лирического сюжета и основы эстетической завершённости сборника. Нельзя не согласиться с автором предисловия и в том, что сквозной темой книги Галины Кудрявской является «созидание души и выражение этого процесса в поэтическом слове».

Исходное состояние процесса, отмеченного критиком, мы видим в стихотворении, закрепляющем заглавие и открывающем книгу, будто своеобразным художественным ключом – сложением сразу многих важных для автора мотивов. Они не исчерпывают богатства мотивного комплекса сборника, но служат ему экспозицией и завязкой:

Душа отдушину искала,
Чтобы припасть и подышать...
Горела лампа вполнакала.
Ждала раскрытая тетрадь,
Ждала строки – скупой и точной,
Бесхитростных и ясных слов,
Чтоб мир души был чист и прочен
И беспорочен был улов.

Нам внятна творческая пауза поэта, в которой чувствуешь сдержанность скрытого страдания души, не готовой пока выразить свой внутренний мир в лаконичном, по лирической необходимости, но точном и ясном слове, сохраняя чистоту души и благородство её помыслов. В героине Галины Кудрявской уже в самом начале лирического сюжета живёт, возможно, одно из главных свойств её бытия – *очарованность жизнью*, но до времени она пребывает в ней подобно состоянию ребёнка, не знающего рефлексии и страха перед миром.

...Так сказкой
Очаровано в детстве дитя,
Без сомнения и опаски
Путь из мрака к добру находя.

Однако для нас ясно: это поэтический образ, не более. Мы догадываемся, помня, как много драматического, горького пережито

автором, что ей хорошо знаком «путь из мрака к добру», что она всей своей судьбой выстрадала убеждение и потребность строительства иной жизни «в сумраке нынешних дней». Это движение к очарованности и спасению – правдой Божьей. Так рождаются вольные ямбы Кудрявской, её молитвенные стихи «Как чист и ясен тихий вечер...», вдохновлённые задушевной Верой:

Как чист и ясен тихий вечер,
Как сладок миг и краток час.
Давно назначенная встреча,
Свети для нас.
Свети для нас, не угасая,
Свети, свети издалека
Для глаз, для сердца, не сгорая.
И пусть дорога далека –
Всё так же чист и ясен вечер,
Всё так же встреча впереди...

Последняя строка остаётся без рифмы, но её утрата удивительным образом не оставляет в нас горечи – напротив, она звучит уверенно, даже мажорно, наполняя символику встречи высоким духовным смыслом.

Мотив очарованности жизнью не уходит из лирического сюжета книги – он ещё более утверждается многими текстами, возникающими из мысли-предположения, и поначалу в ней не ощущаешь новизны:

Сколь чудны очертанья облаков,
Как будто их творит рука живая.
<...>
Сколь глубока земли и неба связь...

Но вот в разных местах книги Г. Кудрявской встречаешь тексты, которые убеждают тебя: автор не просто создаёт свои, оригинальные тропы. В явлениях природы поэтесса открывает таинственную связь одухотворённых её словом элементов живой жизни.

Какой пожар случился на земле!
Лес полыхает пламенем багряным –
То у природы на большом столе
Созрела осень яблоком румяным.

Можно ли не верить благодарной памяти деревьев, открытой таланту поэтессы:

В природе есть таинственная связь.
Меж мелких листьев у берёз лиясь в оконца,
Такие фейерверки дарит солнце,
На тысячи лучей разъединясь.
И золото лучей вбирая в гены,
Хранят его берёзы сокровенно,
В древесной сердцевине стерегут,
Но в октябре стократ земле вернут.

Как не подивиться оригинальности видения автора, умению столь органично совместить переживаемое человеком и природой:

Когда перезревшие листья,
Почувствовав тягу земли,
Потоками вниз устремиться,
С ветвями простившись, смогли,
Вздохнула довольная осень:
Её наступила пора,
И всходы весёлые озимей
Прикрыла туманом с утра.

Такой настойчивый антропоморфизм, очеловечение природы в русской поэзии ярче всего, пожалуй, проявляется в творчестве Афанасия Фета, хотя, конечно, одним из первых открыл эту тему Константин Батюшков. По наблюдению знатока отечественной поэзии Б. Я. Бухштаба, у Фета «человеческие чувства приписываются явлениям природы без прямой связи со свойствами этих явлений». Современный культуролог Михаил Эпштейн ещё более заостряет философское содержание проблемы: «Поэзия – это второе “я” природы, ответ на её потребность обрести язык». Именно эту особенность духовно-философского мышления мы и находим в лирике Галины Кудрявской:

Тянет ивушка к небу руку!
Тоже чего-то себе просит...;

Пишут птицы письма о любви!
О такой, какую мы забыли.

Предположу также, что очарованность жизнью – мотив, который я выделил в начале её новой книги, проявляется ещё и в том, что в этих стихах так много *радости*, и это тоже признак, сближающий художественный мир поэтессы с творчеством раннего Фета. Показательны в этом аспекте первые строки многих стихотворений Кудрявской: «Как чист и ясен тихий вечер»; «Сколь чудны очертанья облаков»; «Серебром пронизан воздух, серебром»; «Заворожи, река, заворожи»; «Желанная встреча – родимый простор»; «Какой закат! Какой закат... мгновенный»; «Давай говорить о высоком»; «Ещё такой зелёный лес»; «Глядеть – не наглядеться...» А если в этот ряд добавить ещё и строки с риторически возвышающим «О», столь памятным нам в русской классической традиции (Пушкин, Баратынский, Тютчев), существенность этой тенденции в стилистической палитре Галины Кудрявской будет ещё заметнее: «О, эта щедрая весна»; «О, как не хватало мне этого дня»; «О, как распелись птицы»; «О Боже, дай вынести, вытерпеть, выстоять»; «О, если б жить и не считать мгновений»...

В отдельных и достаточно редких текстах поэтесса обращает читателя к сложным, противоречивым состояниям природы (любимого осеннего леса, например). Но значительно чаще Кудрявской открывается мир в его гармонии.

* * *

От частого и нередко бездумного употребления философского и эстетического понятия «гармония» мы утрачиваем его сущностный смысл, и потому напомним: гармония – соразмерность, прекрасная целостность, уравновешенность элементов бытия, произведений искусства или жизни природы. Так, например, осень Галины Кудрявской украшает падающей листвой берёз зелёные иглы сосен («Будут сосны освещать снега / Золотыми листьями берёз»). Или другое, но тоже пластическое наблюдение таинственных связей в природном мире, одухотворённое вдумчивым художником, уподоблено в её слове своеобразной нравственной гармонии и воплощению напряжённой диалектики единства. Поэтесса умеет философски сознавать сущность всех времён года, находя в его календаре одушевлённую гармонию. Она знает не только «смысл утраты и весны, и лета...», задушевною необходимостью прощальной красы

осени, но и потребность «в зимней графике непрочной / Отыскать утраченную точность / И надёжность пакибытия». Но всего ближе её душе всё-таки осень. Для любимой поры года у Кудрявской найдена своя диалектика, оригинально дополняющая давние пушкинские открытия. В её оксюморонных связях – сладость осенней муки бытия:

Души прозрачная пора,
Её «очей очарованье».
Осенней прелести игра,
Не отменяющая знания,
Что всё желанное пройдёт,
Под белым саваном остынет.
Ей нет нужды томиться ныне:
Ещё придёт её черёд.
С мгновеньем вечности сроднясь,
Вплетясь в его цвета и звуки,
Былую воскрешая связь,
Душа не знает слаще муки.

Неудивительно также, что лирическая рефлексия поэтессы на своём материале продолжает развивать и пушкинский мотив философской «Элегии» 1830 года.

Взгляни в окно и тихо улыбнись
Обыденной картине заоконной:
Последним листьям, облетевшим с клёнов,
Бесхитростной предзимней красоте,
Утратившей парадности излишки, –
Всему, что щедро предлагает жизнь.
И радуйся, как радуется нищий
Монетке, хлебу, чьей-то доброте.

«Тихо улыбнись» и прими как бесценный дар всякий, в том числе и самый обыденный момент жизни: падающие с клёна листья, чьё-то доброту...

«Тихо улыбнись... бесхитростной предзимней красоте, / Утратившей парадности излишки...». Как это хорошо сказано! Как бережно и точно здесь найдено каждое слово, какая простота высокого

смысла обнаруживается в этой поэтической интонации, воплощении «смиренной мудрости души»!

И ты ясно понимаешь, что эта философия природы навеяна поэтессе гармонией внешнего созерцания и внутреннего переживания того, «что жизнь вполне счастливо / К последней приближается поре». Но в размышлении о близости прощания с дольней жизнью у лирической героини Кудрявской вера в счастье соседствует с болью расставания. И это противоречие суть единство, и не есть ли оно также признак гармонии?

И первый снегопад в одном из стихотворений воспринят как чудо и вместе с тем как первая разлука. Отмечу между прочим: от гармонической поэзии всегда ждёшь неожиданности, новизны мировидения. И радуешься, когда, не обманываясь в своих предчувствиях, находишь в этом стихотворении Кудрявской онегинско-пушкинский приём сочетания разнообразных способов рифмовки (смежная, перекрёстная, опоясывающая), – и возникает, как и у классика, свобода лёгкости стиха, столь гармоничная в сочетании с высокими словами-поэтизмами и формулами:

И первый снегопад как первая разлука –
Щадящая и детская наука,
Пророчица всех будущих наук,
Предвестница всех будущих разлук.
Но я ещё гляжу с надеждой чистой
На первый снег, спадающий с небес,
И душу, ждущую чудес,
Божественною грею искрой...

* * *

От созерцательно-философской рефлексии и обретения гармонии поэтесса в центральной части книги переходит к тому, что мучает её душу – к человеческому несовершенству крестного пути, предугаданном в трагическом звучании вольных ямбов переложения библейской легенды: «Когда / Звезда, сияя, всем возвещала / Приход Христа, / Над Иудеей уже вставала / И тень креста». Сознывая, что человек несовершенный обречён существовать с болью и греховностью, что душу можно спасти лишь добротой, любовью и молитвой, приближением к светлой божественной истине и к жизни искренней, голос

лирической героини Галины Кудрявской остаётся совершенно естественным и безыскусным:

Весёлые денёчки пролетели,
Сменились чередой унылых дней...
Настали покаянные недели –
Скорби, душа, о грешности своей...

(«Весёлые денёчки пролетели...»)

Сто потов, сто потоков слёз,
Чтобы вырасти. Не до роз...
Ты меня не жалея – расти.
На моём непростом пути
Лишь колючки да лопухи –
Буреломом встают грехи,
Не объехать, не обойти...

(«Сто потов, сто потоков слёз...»)

Не живу на земле, а мучаюсь...
Радость в сердце от случая к случаю...

(«Молитва»)

Молитвенное стояние её стихов обращает лирическую героиню и читателя к слову возвышенно вечному: «скорби, душа, о грешности своей»; «сиянье Истины крылатой»; «взыскующий и чуткий взгляд / повсюду за тобой струится»; «мир вечного блаженства»; «перед иконами стою – / не пред дверьми мирского торга»; «и не погашена лампада»; «и льётся щедрый свет с небес»...

И в этом высоком контексте столь уместны в стихах Галины Кудрявской так называемые «библейские» анафоры-единоначатия стихов с «И», открытые для искусства отечественной поэзии Пушкиным (с особой художественной выразительностью в стихотворении «Пророк»). В этом эстетическом ряду можно назвать и библеизмы, символические образы Лестницы небесной («Как путник у высокого моста, / Ведущего в мир вечного блаженства...») или негасимой лампы. Этот высокий стилистический лад поддержан у поэтессы и нередкими учительными афоризмами, несколько не нарушающими искренности поэтического высказывания: «не по правилам жаждет жить душа, / а по правде да

по любви»; «без любви свет не свет, а тьма, / без любви наша жизнь – тюрьма»; «свобода высшая – покаянье»; «если даруется Господом умное зренье, – / рушатся стены построенной страхом тюрьмы»...

Цикл стихотворений о спасительном соотношении дольного и горнего получает пластическое и композиционное завершение развития темы в стихотворении «Держа живую душу на весу...». И вместе с тем здесь закреплена связь с важным для автора антропоморфным одухотворением мира природы, и книгу Галины Кудрявской в комплексе её мотивов и стилистике образного строя воспринимаешь как художественное единство.

Держа живую душу на весу
И остро ощущая быль и небыль,
Как ты безмерно мал, почувствуешь в лесу
Среди деревьев, устремлённых в небо.
Да, ты – безмерно мал, а радость их чиста,
Их целованье с небом не напрасно.
Природа – Божий дар, и истина проста,
Что всё живое в ней – трагически прекрасно.

* * *

В финальной части книги автор, кажется, уже не разрабатывает мотив очарованности жизнью, а как бы только бережно прикасается к нему, пишет о незабываемых утратах и живой правде, об осенней увядающей розе – символе, с которым «в мировой и отечественной лирике... связаны мотивы двойственности бытия, нераздельности жизни и смерти, цветения и увядания» (М. С. Штерн). Как отмечается в предисловии к книге, «в интерпретации Галины Кудрявской “увядание” становится моментом роста, символом зрелости и стойкости человеческой души, необходимой ступенью к её преображению». И только созревшая, мудрая душа способна в горестном чувстве выразить свою любовь к Родине, продолжая трагически бескомпромиссно развивать тему отечественной классики – о «странной» любви к Отчизне:

... Дети Родины – все родня,
Все родня... но – до первой драки.
Только шаг от любви до вражды.

Ах, Россия, всё это враки,
Что могли бы жить без нужды.
Всё умеем мы, всё умеем:
И любить, и дарить, и прощать...
Ах, как щедро добро мы сеем,
Чтоб потом его убивать.

Завершает Галина Кудрявская свою новую книгу чередой программных стихов, чтобы сказать, чем спасается и чем спасётся душа человеческая. Живой памятью о любимых и об утратах; счастьем мига, дня, жизни; любовью, «что горит не сгорая и греет надёжно сердца»; смиренным терпением и «зорким сердцем» «душеньки созревшей», чувствующими окружающий мир в его нерасторжимом единстве печали и счастья. Учительность духовной лирики поэтессы обращена к своей лирической героине и к себе как пожелание, как формула идеала, в котором и *всем нам* – Благая весть. Услышать бы...

Глядеть – не наглядеться,
Дышать – не надышаться...
О, если б мы умели
Друг другом любоваться
И так любить друг друга
И жертвенно, и строго,
Как будто мы и вправду
За пазухой у Бога.
Как будто в самом деле
Очистились от скверны
И научились жизни
Доверчивой и верной.

